

The background of the entire page is a light blue color with a pattern of various medical icons drawn in a simple, hand-drawn style. These icons include a microscope, a pair of lips, an ambulance, a heart with an ECG line, a first aid kit, a caduceus, a pill blister pack, a syringe, a tooth, and a pair of crutches.

Елена Туголукова

Во всем виновата рыба

Елена Туголукова

Во всем виновата рыба

12+

Туголукова Елена

Во всем виновата рыба

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=48452013

SelfPub; 2020

Аннотация

В середине декабря прошлого года со мной случилось несчастье: тяжелая травма правой кисти... Сложно было пережить этот период! Депрессия, отчаяние! Помогали друзья, семья и, конечно, доктор. В повести нашли отражение мои переживания, воспоминания, попыталась приправить их крупичками юмора. Жизнь продолжается! Даже когда небосклон кажется беспросветным, оглядись: лучики тепла и света вокруг все равно есть! Сбереги их! Тебе будет теплее и светлее!

Посвящается Бурченья Василию Фёдоровичу, самому лучшему в мире доктору, травматологу – ортопеду.

И, конечно, моему любимому 9А.

– Мам, я порезалась!

– И что?! Надо звонить мне со своими царапинами! Я занята! – мама бросает трубку...

А я опять бреду в ванную, кровь хлещет во все стороны. Странно, я совсем не чувствую боли! Холодная вода, полотенце, заматываю рану. Пытаюсь открыть шкафчик, где храню лекарства, чтобы найти зеленку и клей для кожи, надо же рану обработать, но... Увы... Пальцы вообще не слушаются. Именно в этот момент стало страшно...

– Мам, пальцы не гнутся... Что делать?

– Срочно вызывай скорую!!!

– Мам, я боюсь... Приезжай, мне страшно...

Пытаюсь самостоятельно одеться, получается не сразу, но колготки и платье уже на мне. Шубка сопротивляется изо всех сил! Домофон. Мама приехала. Вижу, она напугана, говорит на полтона выше, чем обычно, на меня старается не смотреть, особенно на полотенце, покрытое пятнами крови. И все же странно: мне совсем не больно, как-то неприятно, нет ощущения жизни в трех пальцах, но не больно.

– Леночка, вызывай такси и лифчик надень! – практически кричит мама.

– Маааам! – рука-то правая...

– Диктуй номер!

Таксист – молодец, и бровью не повел! В травме народу почти нет, удивительно: все-таки воскресенье, люди же отдыхают. Мне дают заполнять какие-то бланки, совершенно не считаясь с тем, что именно на правой руке окровавленное полотенце. Как хорошо, что рядом мамочка!

– Лен, что писать-то: какая травма?

– Не знаю, наверное, бытовая.

Люди смотрят, оценивают.

– Что с тобой случилось? – с участием спрашивает подвыпившая дама средних лет с синяками разной степени заживания по всему лицу. – Я вот упала, скользко, зараза! Наверное, руку-то сломала!

– Порезалась, рыбу чистила, филе делала.

– Аааа! – тянет она, явно не доверяя моим словам.

А затем добавляет:

– Мужик порезал? – и заговорнически подмигивает.

– Заходите! – кричит медсестра, освобождая меня от дальнейшего диалога.

У меня начинает кружиться голова. Подступает тошнота.

– Что случилось?

– Мы тут недозаполняли...

– Сейчас все доделаем. Что случилось?

– Я порезалась... Рыбу чистила... Филе хотела сделать... – подступают слезы, я впервые за последние несколько лет рас-

плакалась от того, с какой жалостью и участием на меня смотрит медсестра. А надо сказать, слезу из меня выдавить не так-то просто! Это сейчас, после травмы, могу расплакаться по любому поводу, словно истеричка!

Я раньше видела ее, Виталию Леонидовну, старшую медсестру хирургического и травматологического отделений, в поликлинике: строгое, лицо, напряженный взгляд, чеканящая походка... А сейчас на меня смотрит удивительно добрый и сострадающий мне человек! Какая метаморфоза!

– Если бы я знала, что так получится, достала бы мясо и приготовила! Или курочку! Во всем виновата это проклятая рыба! – меня, если честно, до сих пор тошнит даже от запаха рыбы, не то что от ее вида или вкуса.

– Прекрати! Лена, перестань! стыдно реветь! – одергивает меня мама.

– Давайте посмотрим! Не бойтесь! Наташа, зови хирурга! Кто там сегодня? Алмазов? Да уж... Как же Вы так?! Попробуйте пальцы согнуть, попробуйте! Никак? Еще раз! Не получается? Не плачьте, мы Вам поможем!

– Лена, перестань! Лен!– не унимается мама.

Странно, и все-таки мне не больно! Страшно, очень страшно, но не больно!

Заходит огромный мужик в синем хирургическом больничном костюме. Угрюмый взгляд исподлобья, громадные волосатые ручки.

– Вы сегодня пили?

–Нет.

– Сгибайте пальцы! Сгибайте! – кричит громила.

– Не кричите: у меня все в порядке со слухом. Не получается! Пальцы не слушаются!

– Мизинец попробуйте согнуть! Не получается? Большое сухожилие полетело. Сейчас кожу сошью, поедет в Иркутск или Новосибирск к микрохирургам. Надо посмотреть, где квота есть, – говорит он обо мне, словно о неодушевленном предмете. – Кольцо снимайте.

Легко сказать! Мое обручальное кольцо даже со здорового пальца снять было невозможно, не то что теперь, когда палец практически разрезан на две части, сочится кровь и видны кость и сустав. Как снять-то?

– Я не могу в Иркутск! Не могу! У меня маленький ребенок! – я заливаюсь слезами, но, похоже, они здесь никого не трогают.

– Давайте вызовем Головня?– предлагает медсестра. – Не плачьте, сегодня дежурит очень хороший доктор, он Вам поможет!

– Он не пойдет, – вальяжно и как-то зло заявляет громила, – первый день после отпуска, не пойдет!

А медсестра уже кому-то звонит и без лишних эмоций объясняет ситуацию:

– Да, Иван Петрович, Пролетарская, 28 – 199! Соседка Ваша!

Ничего не понимаю! Это обо мне?

– Он Вас возьмет, будем оформляться!

Возьмет?... Я что, яблоко?

– Что с кольцом-то делать? Давайте попробуем палец маслом намазать или мылом, – предлагает молоденькая медсестричка.

Масло или мыло на открытую глубокую рану? А разве так можно? Виталия Леонидовна выносит непонятную штуковину, похожую на большие плоскогубцы, медсестра своими хрупкими пальчиками с наманикюренными ноготками «легко и непринужденно» срезает мое толстое золотое обручальное кольцо... Вот это сила!

Я рыдаю. Мама покрикивает на меня. Громила куда-то исчез. Медсестры начинают оформлять какие-то документы. В дверь рвутся очередные травмированные.

Кровь из моих несчастных пальцев капает на пол. Уже целая лужица набежала. Полотенце у меня отобрали и отдали маме, пальцы мне дважды обернули бинтом и отправили сдавать анализы. Хожу по больнице, капаю кровью. Неужели легче вытирать за мной, чем забинтовать руку?! Странно, но боли все еще нет!

* * *

Сдать анализы оказалось не так-то просто! Во-первых, я нехватила из дома бахилы, без которых в больнице ты тут же превращаешься в существо второго сорта, ладно хоть мама сообразила документы взять, а то бы отправили обратно, за полисом и паспортом. Во-вторых, сложно пописать в ба-

ночку, если пострадала правая рука, а раздеться для кардиограммы – вообще невероятный подвиг! В каждом кабинете меня спрашивают: «Вы сегодня пили?» Видимо, по мнению врачей, порезать руку в трезвом состоянии невозможно! Нет, не пила! Я и трезвая неплохо чудачу! В процедурном медсестра участливо поинтересовалась, что произошло, пока брала кровь из вены, и рассказала не очень воодушевляющую историю:

– В прошлом году примерно в это же время девушка поступила с подобной травмой, только пострадали по два пальца на обеих руках! Представляете, с мужем поссорилась, он посуду начал бить, а она нож схватила и давай натяжной потолок кромсать! Вот пальцы на обеих руках и порезала! Так плакала, так плакала! Она ведь парикмахер! Руки – ее рабочий инструмент! Не знаю, чем уж там все закончилось, но жалко мне ее было очень! Да не плачьте Вы! Кто Вас оперировать будет? Не знаете?

– Головня, вроде.

– Ой, тогда даже не переживайте! Он все в лучшем виде сделает!

– Надеюсь! Руки – и мой тоже рабочий инструмент. Я учитель.

– Что преподаете? – живо заинтересовалась медсестра. – Репетиторство берете?..

Сделав по кабинетам круг, возвращаюсь в приемный покой. Там уже оформляют карту.

– Прямо по коридору и на третий этаж в травматологию, там Вас встретят.

Травма на третьем этаже... Вот интересно, а если бы я порезала ногу. Как тогда подниматься на третий этаж? Ах да, есть же лифт. Меня туда любезно не пригласили. Но не беда, пешком доберусь.

Головня, Головня... Где-то я уже слышала эту фамилию...

Поднялась – никого! Сижу, как сиротинка, на диванчике. Минут через двадцать приходит медсестра. Заполняя карту, задает миллион вопросов! Основной: «Вы сегодня пили?» Нет! Я почти не пью, не люблю алкоголь!

Меня искренне удивили настойчивые и много раз повторяющиеся вопросы о том, сама ли я порезалась, что почувствовала при этом, случайна ли травма или я планировала так поступить. Медсестра все объяснила:

– Если Вы намеренно причинили себе вред, мы обязаны вызвать психиатра! Возможно, Вы пытались счеты с жизнью свести!

Ага, и выбрала самый ненадежный путь: искромсать пальцы и умереть от разочарования! А потом, видимо, одумалась и сама в травмпункт явилась! Так что ли?! Бред! Тут без психиатра, действительно, и не разберешься! Жизнь одна – ее надо беречь! Это я знаю точно!

– А еще, может быть, Вас кто-то порезал, а Вы скрываете, выгораживаете этого человека. Тогда мы должны сообщить в полицию!

Муж, тебе очень повезло, что в тот момент ты был на вахте, а то бы все подумали Бог знает что!

– Распишитесь в карте! Здесь, здесь и здесь!

– Вы серьезно?! Как?!– демонстрирую правую руку с залитым кровью бинтом.

– Как-нибудь! Вы вообще с кем приехали? Вот пусть за Вас и распишутся!

– Маму за вещами для меня отправилась. Могу палец в кровь обмакнуть и отпечаток оставить.

– Не хамите! – злобно сверкает на меня очками медсестра.

– И не думала! Я пошутить хотела, извините, шутка не удалась.

Оставляю каракули левой рукой.

И тут появляется он, мой доктор. Хотя тогда я еще не понимала, насколько важным станет этот человек в моей жизни на ближайшие десять месяцев, но сразу прониклась к нему симпатией! Спокойный, уверенный в себе мужчина средних лет с удивительно добрыми глазами. Быстрыми шагами подошел, посмотрел карту, потом пристально на меня, еще раз в карту и на меня. Где-то я его видела... Не могу понять, где! Наверное, это «отец одного из моих детей», как говорится в учительском анекдоте.

– Поставьте руку на локоток, чтобы кровь сильно не текла, вот так, – и показывает, как нужно сделать, заодно осматривая раны.

Потом он идет в ординаторскую, оборачивается и с порога

говорит:

– Готовьте большую операционную!

Большую операционную! Большую! Операционную! Большую?! Я просто в полуобморочном состоянии! Думала: сейчас на стульчике посижу, в сторонку посмотрю, мне пальчики под наркозикам зашьют, и я домой поеду! Знаете, как когда кровь из вены берут?! А тут: большую, блин, операционную!!! В маленькую, видимо, я не помещусь! Липко цепляется страх, окутывает, ползет по телу, по душе. Мне совсем нехорошо! Но совсем не больно!

А у него удивительно приятный голос!

Меня ведут в процедурную и ставят невероятное количество уколов, от которых становится очень спокойно: нет уже тревоги, душевной дрожи, внутренней разбитости. И удивительно прочищаются мозги, картина мира становится очень четкой, уже нет ощущения нереальности происходящего. Медсестра участливо спрашивает, как такое могло произойти, пытаете хоть немного успокоить.

Звоню мужу:

– Леша, ты пока не звони, а то в палате люди, будешь звонками им мешать. А меня сейчас прооперируют, и я тебе позвоню сама. Ладно?

Муж в недоумении кричит в телефон:

– Лена, что случилось?! Лена!!!

А мне некогда объяснять! Меня уже в палату ведут. Звонит мама:

– Мне дали список того, что тебе понадобится. Почему тебя до сих пор не оперируют? Что сказать Алексею? Олеся забирать?

Опять миллион вопросов! Я не в состоянии отвечать!

В палате мне велели раздеться до белья, снять украшения, завернули в простыню, как греческую богиню, и на каталке повезли в большую операционную, там надели операционные чулки и шапочку, которая тут же слезла, переложили на операционный стол и привязали. Поставили ширму, чтобы я не видела ход операции.

* * *

– Вы все украшения сняли? – спрашивает операционная сестра.

– Да!.. Нет, я забыла про пирсинг!

– У Вас есть пирсинг?!

– Да, и татуировка! А что?

– Вы же учительница! Тогда Вас сейчас будет бить током! Или снимем? – странный вопрос: я не хочу, чтобы меня било током!

У меня что, клеймо на лбу стоит «учитель»?! Почему, интересно, у меня не может быть пирсинга и татуировки, они же не мешают быть мне хорошим педагогом и качественно учить детей?!

Мне очень страшно! Я боюсь того, что предстоит. Начинает трясти от ужаса!

Появляется доктор, он переоделся в абсолютно белый ко-

стюм, выглядит, как ангел. Долго, тщательно моет руки.

– Если бы Вы, – начинает он, – жили в большом городе, Вас бы отвезли в микрохирургию, потому что то, что с Вами случилось, очень сложная и тяжелая по восстановлению и реабилитации травма, наверное, одна из самых сложных в ортопедии. Лучше бы Вы руку сломали, даже все пальцы, или ладонь порезали, я бы знал, как Вам помочь. А так придется действовать наугад, импровизировать.

Очень жизнеутверждающе, дорогой доктор, очень мотивируют Ваши слова на выздоровление! Я подумала: «Если ты не знаешь, что с этим делать, зачем берешься?» Он сразу стал мне как-то несимпатичен! Но какой все-таки у него приятный голос!

И от него я услышала в стотысячный раз вопрос:

– Вы сегодня пили алкоголь?

– Нет, я не люблю алкоголь и пью его крайне редко! А Вы? – не выдерживают у меня нервы.

– Что я?

– Вы сегодня пили?

– Нет, я же на работе! А Вы когда пили алкоголь в последний раз?

– Не помню, наверное, на прошлый Новый год!

– Почему? Иногда это очень полезно!

Не знаю, что и ответить! Прошлый Новый год мы всей семьей просто – на просто проспали! Где-то в девять часов вечером пошли маму домой провожать и просто прогуляться,

с дочкой с горки покататься. Вернулись замерзшие, усталые, но довольные! Я всех покормила, и мы решили немного поваляться. Не заметили, как под мерный бубнеж телевизора уснули! Проснулась я от того, что меня разбудил муж:

– Лена, уже девять утра!!! Мы Новый год проспали!

Оба вскочили, смеясь над глупой ситуацией! Быстренько положили под елочку подарок для дочки, изобразили следы Деда Мороза на полу с помощью искусственного снега, стали отвечать на многочисленные смс и пропущенные звонки... А что ждет меня на этот Новый год? Даже подумать страшно!

Появился переодетый в белое громила из приемного покоя, но он вовсе на ангела не похож, а скорее на нелепого толстопузого снеговика!

Рядом со мной операционная сестра. Она тихо говорит, успокаивает меня, держит за руку. А вторую мою несчастную клешню осматривает доктор.

– Какие у Вас красивые ногти! А нам нельзя маникюр делать! – с сожалением говорит сестричка. Я даже как-то неловко и виновато перед ней себя почувствовала! А во время второй операции пожилая медсестра, наоборот, с укором сказала:

– Ногти у нее! Снять надо было! Сейчас ихотрежем! На операционный стол – и с такими когтями!

Она долго говорила о том, какая я негодница, что посмела на операцию с маникюром явиться. Я тоже долго молчала, потом не выдержала:

– Остричь ногти мне Вы не можете, это шеллак, сломаете ногтевые пластины! Мне никто не сказал, что нужно было маникюр убрать! Я бы обязательно это сделала!

За меня тогда вступился доктор:

– Не надо лишнего говорить! Она исполнительная, обязательно сделала бы, что нужно, а я, действительно, про маникюр ничего не сказал! А ногти у нее всегда красивые! Женщины всегда хотят хорошо выглядеть!

Какое разное отношение! Для кого-то доброе слово сказать другому – легко и приятно, а кто-то удовольствие от негатива получает!

Жуткая боль! В каждый палец и в ладонь колют новокаин! Начинается священнодействие... Передо мной висят часы.

– Что я сейчас делаю?

– Колете меня.

– Больно?

– Больно!!!

– В какой палец?

– В безымянный.

– А сейчас?

– Опять в безымянный.

– Сейчас?

– В мизинец, больно.

– Надо еще подождать. Наркоз пока не подействовал.

Часики тикают.

– Можете спать, если хотите.

Но почему-то спать совсем не хочется. От его бархатного голоса становится спокойно на душе, перестает трясти, уходит страх. Он что-то делает, я чувствую теплые легкие прикосновения.

– Вы не спите?

– Нет.

– Почему Вы молчите?

Искренне удивлена этим вопросом:

– Я не знаю, что нужно говорить в подобных ситуациях. К этому жизнь не готовила! Могу стихи почитать, дети как раз много их сдают, хочешь – не хочешь, а запомнишь!

– Давайте в другой раз!

– Нет, пусть это будет последний раз!

– Я сейчас расширю ваши раны, чтобы...

– О господи! Простите, простите ради Бога! Пожалуйста, не надо это рассказывать! Мне нехорошо!

Врачи и медсестры говорят между собой на непонятном медицинском языке. И тут громила ехидно выдает:

– Ну что, Иван Петрович, может быть, хоть теперь соседи начнут с Вами здороваться?!

И тут меня словно током ударило от этих слов! Так вот, где я видела этого мужчину! В подъезде! В лифте! И действительно ни разу сама с ним не поздоровалась! Как стыдно! Но поймите меня правильно: передо мной за день мелькает огромное количество лиц! Живу я в девятиэтажном многоквартирном доме! Хорошо знаю только своих соседей

по лестничной клетке. С ними, кстати, у меня и моей семьи прекрасные отношения, можно сказать, даже дружеские! Я просто не знала, что он мой сосед! Доктор, простите, извините меня, конечно, теперь я буду с Вами здороваться, выбирая самые вежливые выражения! Возможно, даже в поклоне!

А прозвучало это из уст здорового мужика как-то по-бабски подленько. Видимо, доктор рассказал ему о моем некорректном поведении, и тот не сдержался, выдал гадость, будто полный нечистот мешок порвался! Всем стало неловко, не смутился только громила.

– А вообще, – продолжал он как ни в чем не бывало, – наш доктор очень любит таких пациенток, как Вы.

– Каких, таких? Бестолковых женщин, которые режут себе руки?

– Нет, интеллигентных, спокойных. Вот Вы вежливо разговариваете, не кричите, не материтесь.

– А разве такое бывает?

– Да сплошь и рядом!

Тогда я еще не понимала, что контингент травматологии – люди, как правило, не всегда, но, как правило, с низкой социальной ответственностью, как говорят наши чиновники. В подтверждении его слов, из соседней операционной раздался отборный мат и разнесся по больнице. Туда доставили пьяного старичка с проникающим ножевым ранением. Оперироваться ему не хотелось, ему хотелось еще водки...

Часики тикают. Прошел час, другой. Стало больно. Очень

больно! Боль накатывает волнами, приливает к пальцам. Они становятся горячими, словно я окунула их в кипяток.

– Мне больно...

– Не может быть, наркоз еще действует!

– Но мне, правда, очень больно!

– Какой палец я сейчас делаю?

– Мизинец!

– Действительно! Добавляем наркоз!

– Нужна тоненькая проволочка, – говорит доктор, видимо, обращаясь к медсестрам, которые почему-то постоянно меняются.

– Вот такая проволочка будет у Вас в пальчике, – я вижу окровавленную перчатку и проволочку, тоньше волоса.

Меня опять тошнит. Пожалуйста, не надо мне это показывать, мне нехорошо!

– Хороший у Вас муж?

– Да, муж у меня очень хороший! Самый лучший! А что?

– Ножи-то острые, значит, наточены! Ножи, наверное, с пластиковыми ручками? Они сейчас самые распространенные. Да?

– Да, действительно, с пластиковыми. А какие должны быть?

– Каменные или деревянные, чтобы рука случайно, как у Вас, не соскользнула. Пластик – очень скользкий и ненадежный материал!

– Я учту!

Как только я оказалась дома после стационара, первое, что сделала, выбросила все ножи с пластиковыми ручками. На Новый год муж подарил мне набор профессиональных ножей с каменными ручками. Мои подружки и просто знакомые потом часто мне говорили практически одинаковые слова:

– Я теперь беру в руки нож и невольно думаю о тебе! – вот так я «память по себе» оставила в сознании множества людей! А еще многие мои знакомые тоже избавились от ножей с пластиковыми ручками!

Постепенно клонит в сон. Доктор что-то говорит, его теплый голос обволакивает, убаюкивает, я, кажется, засыпаю.

– Лена, сожмите пальцы! Лена! Лена, Вам нехорошо?

– Нет, мне хорошо. Я не поняла, что Вы обращаетесь ко мне.

– Сожмите пальцы! Не так резко! Хорошо! Работаем дальше! У Вас такие пальчики тоненькие, маленькие, сложно работать!

Смотрю на часы: я в операционной уже почти три часа.

– Вы братчанка?

– Да, но не очень люблю этот город! Я Москву люблю! Жила там долго, мне Москва очень многое дала, забрала, конечно, тоже многое. Хотим постепенно всей семьей туда перебраться. Летом отдыхали и в Сочи, и в Москве. Дочке очень понравилось! Сюда вернулись, она говорит: «Зачем мы опять сюда приехали?!» Так что постепенно планируем переезд!

– Вот в Москве бы Вас к микрохирургам и отправили! Переедете, обязательно проконсультируйтесь!

– Ну что, Иван Петрович, шанс в Москву попасть появился! – вступает в разговор громила, пошленько подмигивает и кивает на меня.

До чего противно! Какой неприятный человек. Всем опять стало неловко, мой доктор замолчал. И только громила делает вид, что все в порядке!

– Иван Петрович, надо заканчивать, наркоз кончается, итак уже четыре раза добавляли! – говорит кто-то, невидимый мне.

– Осталось немного! Только кожу сшить.

Опять постепенно становится больно, я чувствую каждый шовчик, который делает доктор. Иголка, как жало, много – много раз вонзается в пальцы, словно я руку сунула в разъяренный пчелиный улей!

– Мне очень больно!

– Потерпите, я специально делаю небольшие швы, чтобы потом легче Вам было руку разрабатывать. Потерпите! Не хочу делать грубые, чтобы рубцов не было, и контрактуры не образовывались!

Все, что он говорит сейчас, не доходит до сознания, только царапает душу! Терпеть невозможно! Он шьет кожу фактически уже на живую, практически без наркоза. Я словно ежика в руке сжимаю!

– Еще нужен шовный материал, самый тоненький.

– Иван Петрович, нужно открывать новый пакет.

– Открывайте!

– Но он последний!

– Открывайте! Пальчики очень деликатные, маленькие!

Еще почти час жуткой боли.

– Вот и все! Лена, сожмите пальцы! Осторожно! Не надо так резко! Еще раз! Так, хорошо. Хотите посмотреть, что получилось?

Я тогда и не поняла, что ему нравится результат, что он горд своей работой, и по глупости резко ответила:

– Нет, не хочу на это смотреть!

– Несите гипс, надо сделать лангету.

– Вызвать кого-то из гипсовой? – спрашивает медсестра.

– Не надо, я сам все сделаю.

Руку немного отмывают от крови и препаратов, накладывают повязку и лангету.

– Лена, как Вы себя чувствуете?

– Не знаю. Никак.

– Пальцы чувствуете?

– Да, мизинец хорошо чувствую, а безымянный словно в снег сунула, какой-то холодный!

– Наверное, что-то с нервом! Потом посмотрим!

– А Вы выпишете меня до Нового года? У меня дети, конец четверти...

– Если я выпишу Вас в апреле, это будет большая удача! Сухожилия срастаются примерно сто-сто двадцать дней!

Травма у Вас очень сложная! – с улыбкой отвечает доктор.

А я про себя думаю: «Так долго?! Не может такого быть! Что за глупости! Как так долго дома сидеть? Свихнуться от безделья можно!»

* * *

Он куда-то пропадает, а меня переключают на каталку и везут в палату. Там у кровати, которую мне выделили, уже стоят пакеты. Меня очень участливо встречают теперешние «соседки»: девушка лет двадцати пяти с загипсованной левой рукой, бабулечка со специальной лангетой, которую носят при переломе ключицы. Сопереживают, расспрашивают! Как мило! А ведь они совершенно посторонние мне люди!

– У тебя телефон звонил много раз! Глянь, что там!

Я сижу в простыне, рука от мокрого гипса тяжеленная, а ее нельзя опускать, чтобы кровь не натекала и не было сильных отеков, надо на локоток ставить. В голове кавардак, на душе сумбур. В общем, просто прелесть!

В палату стремительно заходит доктор, уже в синем хирургическом костюме, садится на корточки возле меня, пристально смотрит в глаза:

– Как Вы себя чувствуете?

– Пока не знаю, не понимаю. Все будет хорошо?

– Я сделал все, что мог, все сшил. Дальше все зависит только от Вас, как разработаете!

Опять очень оптимистично, доктор! Просто скажите, что

все будет хорошо!

– Отдыхайте! – и также стремительно уходит.

Смотрю в телефон: шестнадцать пропущенных от мужа, три от мамы. Надо Леше позвонить, но для этого нужно выйти из палаты, чтобы людям разговорами не мешать, а для этого надо одеться, я ведь все еще в простыне! Пытаюсь справиться с мыслями, что-то начать делать.

– Я тебе помогу! Не суетись! Меня Саша зовут, а это Раиса Николаевна.

Соседка по палате действительно спешит мне на помощь, разбирает пакеты, выпутывает меня из простыни, помогает надеть домашнее платье.

– Спасибо! Чувствую себя такой беспомощной!

Рука ноет, пальцы болят. А страха уже нет! Сажу на диванчике в коридоре.

– Алле, Леш, привет!

– Лена, что происходит?! – кричит муж. – Что случилось?! Ни до кого дозвониться не могу! Лена, что с тобой?!

– Леш, я порезалась. Мне пальчики шили.

– Почему так долго? Ты сказала: «Прооперируют!» Что мне думать?! Я чуть с ума не сошел! Ты трубку не берешь! Доча недоступна! Вот только до тещи дозвонился с десятого раза, хоть она все рассказала! Где Олеся? – сыпет эмоциями муж.

– Олеся у Иры была, у сестры. Мама ее, наверное, уже забрала. Дома у нас будут.

– Лена, я так испугался! Я завтра приеду!

– Не надо, чем ты мне сейчас поможешь?! Будешь под окнами стоять и плакать вместе со мной?! Лучше денег заработай! Очень будут нужны на реабилитацию и восстановление.

– Лена, мне выпить хочется! Так перенервничал!

– Выпей. Леш, меня спать рубит...

– Фотку пришли. Ладно, люблю-целую. Ложись спать. Пока!

– И я тебя. Пока.

Надо маме позвонить.

– Мам, все, я в палате.

– Почему так долго?!

– Я не знаю.

– Кто оперировал?

– Головня. Я не знаю, как его зовут, не помню.

– Ты представляешь, Алексей позвонил и говорит: «Что происходит?!», а я ему отвечаю: «А кто это?», он: «Леша!», а я: «Какой еще Леша?!». Представляешь?! Ужас просто! Как ты себя чувствуешь?

– Я пока не поняла, не знаю.

– Больно?

– Больно! Мам, как Олеся?

– Нормально. Все по-взрослому восприняла, не плачет.

По дороге от Иры я ей ничего не говорила, она дома тебя искала, тогда я ей все рассказала. До ее прихода все убрала, кровь вытерла, чтобы она не видела.

Какое счастье, просто Божье благословение, что моей девочки не было дома, когда я порезалась! Даже подумать страшно, как испугался бы шестилетний ребенок!

– Дай дочу.

Мама кричит:

– Олесенька, иди, мама хочет с тобой поговорить!

– Алле! – слышу тоненький, такой родной голосок.

– Доченька, привет! Как твои дела, кисуня?! Все хорошо?

– Мама, мне тебя жалко! – почти плачет дочь.

– Не надо, зайка, не плачь! У меня чудесный доктор, он мне поможет! Я скоро буду дома! Не переживай, доченька! Ложись спать, пушистых снов, детка! Дай бабу!

– Мама, позвони мне на работу, все расскажи. У меня самой сил просто нет это сделать!

Мама сообщила директору на работу о моей травме. Как я и предполагала, директор все восприняла безучастно, без эмоций, абсолютно равнодушно. Истинный руководитель!

Я сфотала руку. Выложила в «Одноклассники» и мужу отправила на вотсап. Все, жутко хочу спать.

В палату вошла медсестра:

– Туголукова кто? Трамадол ставить будем?

– Я Туголукова. Трамадол... Трамадол... Звучит, как диплодок. В меня сейчас уколут динозавра! Ха-ха-ха! – глупо хихикаю я.

– Первый раз такое слышу! Это обезболивающее. Больно не будет и спать будете хорошо. Ну что, ставим?

– Ставим. А куда?

– Решайте сами. Можно в плечо, в бедро, в ягодицу.

Вставить уже не хочется:

– Давайте в бедро!

Боль действительно постепенно уходит, затягивает сон, тревожный, какой-то приторно сладкий и душный, из него хочется поскорее выбраться, как из затягивающей ямы с густой карамелью. Снятся кошмары: раз за разом режу пальцы. До сих пор часто вижу этот сон... Просыпаюсь в слезах от ужаса! Охватывает страх, парализует, паршиво на душе! Тяжело дышать!

Резко вскакиваю от телефонного звонка. Всего час ночи! Хотя я сейчас благодарна тому, кто позвонил в неурочный час, ведь этот человек вырвал меня из пучины кошмара. Номер мне не знаком.

– Алле!

– Лена, привет! Как это произошло?! Ты сама? Или кто-то тебя?! – слышу возмущенный мужской очень знакомый голос, но понять, кто это, никак не могу.

– Извините, а кто это?

– Вадим...

Он говорит, сбивчиво, путано и, мне кажется, очень долго. Даже пришлось выйти в коридор, чтобы не мешать соседкам. Я слушаю его и не понимаю, чего он хочет, что ему нужно...

– Это очень хороший врач, все будет хорошо... – долетают до меня его расплывчатые пустые фразы.

Перебиваю сумбурную речь:

– Как ты узнал, что со мной случилось? Где ты взял мой номер? Кто меня сдал, кто прокололся?! Зачем ты звонишь? Мы развелись пятнадцать лет назад!!! Почему ты до сих пор следишь за моей жизнью?! Живи своей! Пожалуйста, не звони больше! Отключись сам, мне пока тяжело это делать самой, рука болит!

Вот так сюрприз! Только бывшего мужа мне сейчас и не хватает! Голова гудит, словно колокол! Хочется пить. Шарюсь среди своих вещей, мама должна была положить воду. Нашла. Теплая минералка, во рту от нее противно, как от холодного куриного бульона. То ли сон, то ли дремота мучают до утра. Нормально поспать так и не удалось. К утру разболелись пальцы! Ноют, как больные зубы!

* * *

Опять звонок. Кира, коллега, мы давно дружим, наверное, фото в сети увидела.

– Лена, что это?! Ты руку сломала?

– Привет, Кира, нет порезала.

– Ты в больнице?

– Да. Кира, пожалуйста, скажи моим детям, что я в больнице, но уже все хорошо, пусть не волнуются. Я скоро...

Она перебивает меня:

– Лена, как можно так порезаться?! Что произошло?! Почему ты мне не позвонила?!

– Я потом тебе все расскажу. У меня такая слабость, хочу

лежать!

– Ладно. Пока, позвоню!

– Пока, хорошо, звони!

В палате резко включается свет:

– Температуру мерить будем?

Никто не хочет. Опять проваливаюсь в сон.

Пришел незнакомый мне врач, который ведет эту палату, спросил, как я себя чувствую, что болит, на что жалуюсь. Потом укол трамадола – и сон, уже не тягостный, а крепкий, спокойный.

Позвали на перевязку:

– Туголукова, в перевязочную!

Через пару минут опять:

– Туголукова, на перевязку!

Спохватываюсь и бегу в перевязочную. Я замужем уже почти семь лет, но до сих пор никак не могу привыкнуть к тому, что я – Туголукова!

С трепетом ждала этого момента, не терпелось посмотреть, что же там под лангетой! В перевязочную зовут моего доктора:

– Иван Петрович, Ваша резаная на перевязке. Ждем Вас.

Через некоторое время опять:

– Ваня, давай уже иди!

Серьезно?! Ваня?..

Пока мне разматывали руку, вошел доктор. Несмотря на ночное дежурство, он бодр и полон сил.

Моя рука, словно предмет, мне не принадлежащий, совершенно чужой. Это какой-то трэш! Это не может происходить со мной! Это не моя рука, не мои пальцы! Ужасные швы тянутся от ногтевых фаланг почти до середины ладони! Из них торчат синие нитки! Рубцы бордовые, покрытые засохшей кровью! Но нет ни сочащейся крови, ни других посторонних выделений. Чудовищный отек! Сорок швов! Наверное, ужас читается на моем лице, потому что доктор говорит:

– Ну, вот так... Сухожилия сильно разошлись, пришлось резать, чтобы их поймать и сшить. Был еще вариант взять сухожилия на запястье, но это еще более травматично. Знаете, я бы себе лучше операцию не провел, себе лучше бы не сделал!

– Я очень благодарна, спасибо Вам большое! – но, видимо, выражение моего лица говорит совсем о другом!

– И травма Ваша, и операция очень кровавые, у Вас большая потеря крови, нужно ее восстанавливать! Хорошее питание, крепкий сон, отдых.

– Мы хорошо питаемся! Надеюсь, все восстановится, – с трудом могу говорить, мысли путаются, никак не отойду от увиденного!

Доктор очень аккуратно сгибает и разгибает мои несчастные пальцы своей рукой, именно так нужно заниматься по десять минут в день во время перевязки. Самостоятельно сгибать и разгибать пальцы нельзя! Только с помощью! Бережно, осторожно! Потом перевязывает мне руку и накладывает

дывает лангету.

Плетусь в палату, душат слезы! Такие уродливые шрамы! За что?! Почему?! Почему это случилось именно со мной?! Если честно, даже сейчас, через десять месяцев, задаюсь этим вопросом! Где же я так нагрешила?! Кому так дорогу перешла?! За что такой посыл ненависти?!

В чувство приводит телефонный звонок:

– Елена Николаевна, Вы в больнице? Почему? Что случилось? Кира Владимировна сказала детям, что у Вас травма, они сразу мне позвонили!

Слезы, душившие меня все утро, брызнули из глаз! Я уже в голос рыдаю!

– Елена Николаевна, успокойтесь! Где Вы? Я сейчас к Вам прибегу.

– Третий этаж, палата семь.

Гелена Викторовна, мама Маши, моей ученицы. Она работает в центре гемодиализа недалеко от городской больницы. Крепко обнимает меня, утешает:

– Ничего страшного, все будет хорошо! Головня – отличный врач! Елена Николаевна, Вы же такой сильный человек, что так расклеились?! Это все временно! Перестаньте плакать! Дети расстроились очень! Моя Маша рыдает все утро, девчонки тоже. К Вам собираются. Я Вам конфетки принесла, Вы же сладенькое любите! Все, не плакать!

Она решительно направляется к посту, просматривает мою карту, что-то строго говорит медсестре. Мне опять ста-

вят обезболивающий укол в бедро. Оба бедра уже синие от уколов, как будто меня избили!

– Вам надо много спать, силы восстанавливать. Пойдемте в палату. И пообещайте больше не плакать!

Она укутывает меня, как маленькую, в одеяло. Сколько тепла, сочувствия и доброты! Внезапно пронзает мысль: «Дети, мои дорогие дети, мои хорошие! Как без меня?! Как же я вас подвожу, мои птенчики!» Снова хочется плакать! Душевная усталость просто сбивает с ног, опять проваливаюсь в сон.

В обед залезла в интернет, почитала комментарии под фото, которое выложила вчера. Столько сочувствия, добрых пожеланий, тревоги и беспокойства за меня! Спасибо, друзья!

* * *

Звонит телефон. С трудом открываю глаза:

– Алле!

– Елена Николаевна, добрый вечер! Спуститесь к нам!

Антошка и Витюшка жду на первом этаже. Обнимают меня. Тревога в глазах:

– Мы Вам мандарины принесли и шоколадки.

Я тоже захватила им по шоколадке, которые мама привезла мне еще в обед. Обмен состоялся!

– Спасибо, мальчики! Как ваши дела? Всем привет передайте, скажите, что все уже нормально, пусть ребята не переживают!

Мальчики явно не хотят уходить, им хочется побыть со мной. Совсем уже взрослые! Высокие, широкоплечие, такие красивые! Мне всегда кажется, что дети в моем классе самые красивые, самые умные, самые воспитанные, самые добрые, самые-самые! Смотрю сейчас на них, и на душе тепло! Мальчишки... Юноши уже! Скажу по секрету, у Антошки даже девочка есть!

– Елена Николаевна, мы там денежки Вам собрали...

– Зачем? На новую руку?! – пытаюсь шутить, мальчишки улыбаются.

– Ну, нет, конечно, на сладкое и всякое такое, что вы любите!

– Зайчики мои, ничего не надо, у меня все есть. Вот вы приехали, мне и стало лучше! Спасибо, мои драгоценные дети!

Провожая их к выходу. Прощаемся. Так тепло на душе! Спасибо за то, что вы у меня есть! Медленно иду обратно. Останавливает охранник:

– Это кто был?

– Добрый вечер! Мои дети, а что? Что-то натворили?

– Добрый! Нет, ничего не натворили! Ваши дети?! Ничего себе! Во сколько же Вы их родили?

– Я неправильно выразилась! Это мои ученики.

– Такие здоровые?! Какой же класс? И чему Вы их учите?

– Жизни... Русскому языку и литературе. Девятый класс.

– Нормальные у вас пацаны! Молодцы! Хорошо Вы их

воспитали! Своих в беде на бросают!

– Спасибо, я стараюсь.

Ну вот, мальчишки были, увидели, что кишки у меня не торчат во все стороны, кровь отовсюду не хлещет, можно и девчонок приводить! Не испугаются! Они же у меня джентльмены, берегут наших красавиц!

Ситуацию вспомнила. Детки мои еще маленькие были, пятиклашечки. Надо осенью убрать от листьев и мусора территорию, закрепленную за нашим классом. Говорю мальчишкам:

– У нас такие девчонки красивые, добрые. Предлагаю, не гнать их на улицу в холод, а тяжелую мужскую работу выполнить самим! Что скажете?

Все до единого согласились! Да еще Феликс высказался:

– А Вы куда это собрались, Елена Николаевна?! Вы же тоже... девочка!

И долго слово подобрать не мог! Меня это так растрогало! Вот такие у меня мужички! Настоящие мужчины! Удивило тогда отношение директора нашей школы.

– А где Ваши девочки? Почему не убирают?! – возмутилась она.

Неужели ничего не слышала о гендерном воспитании?! Странная такая!

Мандаринки я оставила на посту, все равно почистить не смогу одной рукой, а медсестрам приятно! А шоколадом угостила своих соседок. Так им благодарна! Особенно Саше.

Видя мою беспомощность, ведь я правша и ничего не умею и не могу делать левой рукой, она целый день за мной ухаживала: то еду помогала до тумбочки донести, то посуду за мной мыла, то интернет настраивала, то чаем вкусным угощала. Меня немного удивило такое неожиданно доброе отношение к совершенно постороннему человеку! Это уже потом, многое в больнице испытал и увидев, я поняла, что иначе просто нельзя! Доброта и взаимная поддержка – основа отношений там, где царит боль.

Еще не поздно, нужно позвонить мастеру, которая делает мне маникюр, чтобы отменить запись на послезавтра. Вот интересно, делать шеллак на семь пальцев по стоимости будет столько же, как на десять, или дешевле?

* * *

Следующая ночь принесла всей нашей палате неожиданный сюрприз. Ночью доставили совершенно пьяную неопрятного вида женщину неопределенного возраста со сложным переломом ноги. Она хамила персоналу, громко ругалась и все время порывалась уйти, несколько раз падала с каталки, усугубляя свое итак тяжелое состояние. После оказания ей неотложной помощи поселили ее именно в нашу палату! Она всю ночь храпела так, что дребезжали стекла в окне! Больше в палате не спал никто, даже я, несмотря на трамадол. Днем эта проказница вела себя не лучше! Громко рыгала, ругалась с медсестрами и врачами. Устроила истерику, потому что мы посмели разговаривать между со-

бой в то время, пока ее величество спит! Раиса Николаевна, бабулечка, божий одуванчик, резко, но вежливо попыталась урезонить ее, указав на то, что в палате она не одна, а проводить все время в коридоре не очень приятно. Хамка разразилась нецензурной бранью! Ужасно неприятная ситуация! Я не сумела сдержаться! Ведь у меня тоже была бабушка, на которую так похожа Раиса Николаевна.

– Вы в больнице! Не на помойке, к которой, возможно, привыкли! Вам оказывают помощь! Будьте любезны быть за это благодарной! Не смейте обзывать и ругать персонал! Не вздумайте хамить нам! Мы не намерены терпеть Ваши гадости! Выкатим Вашу кровать в коридор! Ведите себя по-человечески! Ведь Вы, я надеюсь, все еще человек?! – потом очень жалела, что так высказалась.

Просто некоторые люди ничего не понимают по-хорошему! Им обязательно нужен окрик или оплеуха! Почему так? Неужели теплые слова и доброе отношение не согревают? Неужели лучше коченеть от ледяных взглядов и презрения?! Не понимаю...

Она как-то сникла, укрылась с головой пододеяльником и исподлобья поглядывала на меня. Видимо, решила, что я в палате «пахан», потому что в любой, волнующей ее ситуации, стала опосредованно обращаться именно ко мне:

– Эй, как тебя?..

– Меня Лена зовут. Это Раиса Николаевна. А Вас? Нельзя к человеку обращаться словом «эй»!

Саша к тому моменту уже, к счастью, выписалась.

Или:

– Я ссать хочу! Как санитарку позвать?

– Нужно говорить: «Я хочу в туалет!» В следующий раз нажмите на кнопку над кроватью, санитарка к Вам подойдет. Сейчас позову!

Или:

– Жрать хочу!

– Не жрать, а кушать. Скоро уже обед принесут. Вы будете первое и второе? Или только второе, как вчера?

Вот такой вот ликбез!

Постепенно мне стало даже жалко эту несчастную, обглоданную жизнью женщину. Ведь она совсем не старуха, как мне показалось на первый взгляд, ей всего пятьдесят два года! Как, почему человек может так опуститься, ведь это даже не уровень животного, а гораздо ниже?! У нее не было с собой даже самого необходимого: ложки, тарелки, халата и т.д. Ее никто не навещал. Я попросила маму привезти ей столовые приборы, купить зубную щетку и пасту. Мы не пообедаем, а у человека появится своя тарелка... Мне до сих пор очень грустно это вспоминать! С нами она пробыла недолго, ее почему-то перевели в другое отделение.

В этот день мне первый раз позвонила разгневанная завуч:

– Елена Николаевна, добрый день! Вы где?

– Я в больнице. Мама звонила директору и все объяснила.

А что случилось?

– Что случилось?! Дети гуляют! Мне пришлось расписание перекраивать! И долго Вы отдыхать собрались?!

– Я не отдыхаю! У меня вообще-то не насморк, а достаточно тяжелая травма! Можете навести справки и поговорить с моим лечащим врачом! Сухожилия, по его словам, срастаются сто – сто двадцать дней, – как же я устала от этого вечно недовольного жизнью человека!

Она «школе отдана и будет век ей верна»! Семьи у нее нет: сын вырос и уехал, о ней и не вспоминает, с мужем давным-давно в разводе – она всецело принадлежит работе! Наверное, поэтому ей искренне кажется, что все должны идти по ее пути: забросить личную жизнь, семью, детей и жить только работой! Я так не могу, именно поэтому периодически у нас возникают недопонимание и даже стычки. Никогда не забуду пренеприятнейший случай. Моя трехлетняя дочка заболела ветрянкой: в садике была вспышка этого заболевания, и мы решили ходить до победного, ведь лучше, как утверждают врачи, переболеть ею в детстве. Да и я знаю, о чем говорю: у меня ветрянка была в двадцать семь лет, ученики заразили! Это просто кошмар! Я на больничный не пошла, а попросила маму посидеть с Олесей. Дочери было очень плохо, болезнь протекала тяжело, с высоченной температурой, зудом от высыпаний и, конечно, детскими капризами. Мне, конечно, страшно за моего ребенка, и поэтому я отвела уроки, но не присутствовала на фестивале «Народы России», где выступали ребята из моего класса, ушла до-

мой, к заболевшей дочке. Детей, надо сказать, я полностью подготовила, они заняли даже первое место в своей номинации. Однако на следующий день завуч вызвала меня к себе и очень гадко высказалась обо мне и моей дочери:

– Вы должны быть рядом с детьми, просто обязаны! Вам за это деньги платят! А Ваш ребенок и все остальное – Ваши проблемы! У Вас уже взрослая дочь! Могла бы свои капризы при себе держать!

– Это у Вас взрослый сын! А моей дочери всего три года! И я обязана быть рядом с ней, когда ей плохо! – на следующий день я ушла на больничный на три недели, пока дочь полностью не поправилась.

Почему в этом человеке нет ничего человеческого? Разве может так о ребенке, который болеет, рассуждать нормальная, адекватная женщина, тем более мать?! Неприятно удивило, что ее поддержала в этом директор, к которой я обратилась за поддержкой:

– Этот час, который шло мероприятие, ничего бы не решил! Девочка Ваша могла побыть и без Вас! Я вот вообще на больничные с детьми никогда не ходила, мама моя с ними сидела!

Может быть, именно поэтому у вас такие жестокие дети: выросли, разъехались и не вспоминают о вашем существовании?! Ребенку всегда нужна мама! Никогда ни при каких обстоятельствах работа не будет для меня важнее семьи, друзей и близких! Я знаю, насколько важна моя работа, но есть

то, что гораздо важнее!

Или однажды отчитала меня за то, что я не успела заполнить тематическое планирование в электронном дневнике, хотя срок заполнения, назначенный ей самой, еще не вышел:

– Это нехорошо! Надо сделать! – орала она, как ненормальная, тряся всеми своими подбородками.

– Я обязательно сделаю, Вы же знаете! Просто сейчас дома мой муж. Вы же в курсе, он вахтовик, и нечасто бывает дома. Уедет – все в тот же день заполню! И вообще, есть в нашей школе люди, которые с первого сентября к электронному дневнику не притрагивались! Почему такой негатив именно в мой адрес? – спокойно ответила я.

– Это непорядок!

– Быть может, просто дело в том, что у меня есть любящий муж, а у Вас нет?! – крыть ей было нечем...

Знаете, как ее прозвали дети? Злая булочка... Мне кажется, этим все сказано!

Очень жаль, что у руля нашей, некогда лучшей в городе, школы стоят именно такие люди! Они разваливают все, что предыдущий завуч и директор собирали по крупицам! Именно из-за некорректности и даже хамства завуча (ведь она запросто может сказать учителю: «Пошла вон отсюда!» или «Все, свободна!») поуходили учителя, хорошие учителя, способные научить, талантливые! А те молодые, кто все-таки отважится прийти в школу, либо надолго не задерживаются, либо думают, что такое отношение со стороны администра-

ции – норма. Но я-то знаю, как должно быть, знаю, что хамство – не норма! Даже могу предположить, как отреагировали бы наши предыдущие завуч и директор, которые друг за другом ушли на пенсию. Директор Николай Григорьевич сказал бы:

– У Лены травма. Спокойно работаем! Помогаем человеку, чем можем. Никто от этого не застрахован. Не она первая, не она последняя.

А Тамара Сергеевна его бы поддержала:

– Лечись спокойненько! Ну, как же ты так неосторожненько! Аккуратненько надо!

К сожалению, такие руководители – теперь уже легенда! Давно подумываю попрощаться с этой школой, перейти в другую. Мысли эти просто пока витают в воздухе, ничего определенного. Держат дети, ведь мы пятый год вместе! Разве могу их бросить, предать!

Неприятно, почувствовала себя после ее звонка, словно меня в грязи изваляли! Да Бог с ней! Пусть у нее все будет хорошо. Если честно, ее пожалеть надо. Она ведь от одиночества и собственной ненужности такая злая. Бедняжка!

* * *

Утром, как обычно, хотела хорошенько потянуться после сна, но когда потягушки дошли до пальцев, вскрикнула от боли! Мне словно крылья подрезали! Для меня вообще процесс потягивания с года трансформируется: в двадцать лет получаешь от него невероятное удовольствие, потягиваешь-

ся до хруста в костях и мотыльков в глазах, вот в сорок уже действуешь гораздо осторожнее: одно неверное движение – и тебя заклинило минимум на неделю!

На второй перевязке я тайком сфотографировала мои ужасные раны. Зачем? Не знаю... Фото это в телефоне хранится до сих пор...

Показала маме. Она не смогла сдержать ужаса, хотя попыталась не выдать себя:

– Все будет хорошо! Не расстраивайся! – мама опять говорила со мной на полтона выше, чем обычно.

Значит, все плохо... Примерно также отреагировала и Таня, моя лучшая подруга еще со школьных лет, навестившая меня вечером. Муж высказался еще раньше, днем, когда я отправила ему фото: ничего, мол, заживет, шрамы же внутри, в глаза бросаться не будут! Такая реакция меня очень расстроила! Значит, действительно, все плохо! Швы уродуют! Да еще не известно, будут ли пальцы функционировать, смогу ли я рукой, как раньше, пользоваться! Единственный человек, чья реакция, меня немного успокоила, это Оля, моя недавняя знакомая:

– Да не переживай ты! Заживет! Все это фигня!

И я подумала: «А действительно: заживет ведь! Фигня!»

Именно тогда я поняла, как важно найти нужные слова в критической ситуации, чтобы успокоить человека, а не расстроить окончательно, чтобы духом он не упал туда, откуда возврата нет, сохранить хладнокровие и не паниковать!

«Не истерить!» – как иногда прикрикивает на меня подруга.
Оля, спасибо! Ты настоящий друг!

В палату вошла очень приятная молоденькая сестричка:
– Елена Николаевна, здравствуйте! Вы меня не помните?
– Здравствуйтесь, если честно, нет, не помню!

– Я в 44 школе училась, не у Вас, но Вас хорошо помню!
Вы в 39 кабинете работали. Меня Вика Мингер зовут.

– Мингер? Кто Вы Антошке?

– Тетя. А в перевязочной работает Антошина бабушка работает.

– Здорово!

– Вам нужно спуститься в четвертый кабинет на УВЧ.
Сможете сами?

– Конечно!

А это, действительно, здорово! Очень успокаивает, на самом деле то, что вокруг меня знакомые, сочувствующие люди, готовые приходить на помощь.

Я никак не могла запомнить, как ни странно, имя и отчество оперировавшего меня доктора. Несколько раз подходила к высокой, стройной, очень симпатичной медсестре и спрашивала:

– Как зовут моего доктора?

– Какого? Который Вас оперировал? Иван Петрович Головня. Он замечательный врач! Просто волшебник! А который сейчас всю вашу палату ведет, Харченко Виктор Дмитриевич.

– Иван Петрович, Иван Петрович. Никак запомнить не могу!

В конце концов, она рассердилась:

– Да запишите уже что ли!

– Я бы с удовольствием! Да писать умею только правой рукой!

Она перестала хмуриться, улыбнулась:

– Меня Валентина Сергеевна зовут. Обращайтесь, если что!

* * *

Странно, палату ведет Виктор Дмитриевич, а постоянно со мной именно Иван Петрович! На всех перевязках, на осмотрах. Он сам поменял мне множество лангет, ведь спал отек, они становились велики и больно били по руке, приносил распечатки упражнений, которые нужно делать, чтобы восстанавливалась подвижность пальцев, направил на физио процедуры, терпеливо отвечал на бесконечные мои, иногда глупые, вопросы. Все время, что я лежала в стационаре, он был рядом, помогал, успокаивал. Ни разу не сорвался, всегда был тактичен и спокоен. Тогда я даже не подозревала, какой замечательный доктор со мной работает и как мне повезло попасть именно в его профессиональные руки! Мне кажется, он обладает самым важным качеством, которое необходимо любому доктору. Он неравнодушный! Не знаю, возможно ли с одинаковой теплотой и вниманием относиться ко всем пациентам, но мне их хватало с лихвой!

А сколько хороших слов я слышала о нем от пациентов, медсестер и просто обычных людей! Например, второго января нужно было снимать швы, но поликлиника еще не работала, поэтому Иван Петрович велел приехать к нему в стационар. Было очень холодно, я вызвала такси. Увидев повязку, разговорчивый водитель спросил:

– Руку сломали? Не удивительно! Так скользко!

– Нет, порезалась.

– Ох! Сухожилия-то целы?

– К сожалению, нет!

– Кто оперировал? Головня?

– Да. А откуда Вы знаете?

– Так только он такие операции и делает у нас в городе! Больше никто! Я, когда коленом маялся, врача искал. Друзья посоветовали к нему обратиться. Колено мне собрал. Пятый год уже пошел! Все отлично! Мне сразу говорили, что он светило, гений! Так и есть! Привет ему передайте! Он, наверное, и не вспомнит! А все равно передайте от Юрия Кузнецова! Вот и приехали!

Даже директор учебного центра «АВС», в котором я параллельно со школой работаю (ведь учительские зарплаты в школе – просто слезы, недаром говорят, что за любой успешной учительницей стоит еще более успешный мужчина, который оплачивает ей это хобби; чтобы самой это хобби оплачивать, я и подрабатываю), очень заинтересованно расспрашивала о нем:

– Нужно маму срочно врачу показать! Колени очень болят! Об этом враче слышала много хорошего. Наталья, наш администратор, была у него на приеме и осталась очень довольна! Но говорят, попасть к нему сложно! Вот Вы, Елена Николаевна, как к нему попали?

– Так, как я попала, лучше не попадать! Сразу на операционный стол!

– Это точно! Как же нам быть?

– Обратитесь к нему в центр «Основа движения», он и там еще принимает, правда, платно.

Потом Лариса Викторовна сказала, что приемом и лечением остались довольны и она, и ее строгая к врачам мама.

Швы доктор снимал сам, хотя обычно это делают медсестры. Но в перевязочной в этот день работала Инна Николаевна, злющая, как Баба – Яга! Она кричала на все отделение:

– Выписал ее в амбулаторию, вот сам швы и снимай! – хотя прекрасно знала, что я классный руководитель ее внука.

И по этому поводу она тоже уже высказалась:

– Бросила детей! Что им теперь делать?!

Я никого не бросала! Я их всех очень люблю! Всех вместе и каждого в отдельности! Мне итак тяжело, что оторвана от них! Зачем Вы делаете еще хуже?! Конечно, ей я этого не сказала, она грозная, монументальная, как скала! А против лома, как говорится, ...

Я итак боялась боли от предстоящей процедуры, а тут просто затряслась от страха!

Да и доктор еще масла в огонь подлил:

– Инна Николаевна, сложно что ли?

– Иван Петрович, пожалуйста, не злите ее! Мне страшно!

– Не бойтесь. Она лишь с виду такая грозная! Я сам все сделаю.

Я оставила свою сумочку в ординаторской и поспешила в перевязочную, но одна из медсестер предупредила:

– Вы бы сумочку забрали, а то мало ли, кто зайти может...

Люди-то разные!

– Это Вы меня имеете в виду? – с улыбкой сказал Иван Петрович, неожиданно вошедший в ординаторскую. – А вещи, действительно, заберите!

Инна Николаевна сняла мне повязку, обработала пальцы и ладонь, встала у окна, скрестив на груди руки, и тихонько, почти шепотом проговорила:

– Ваня сказал, сам швы снимать будет! Работа деликатная, видите ли! Пальцы все-таки!

Меня в очередной раз удивило ее отношение! Почему она называет его, гениального доктора, просто Ваня?! Да и как-то не вяжется простецкое «Ваня» с высочайшим профессионалом, вот «Иван Петрович» – просто отлично звучит!

Бережно, аккуратно, стараясь не причинять лишней боли, доктор убирал ниточки, точнее синюю леску, из швов. Мне уже снимали швы после кесарева, больно вообще не было. А сейчас! Боль невыносимая! Спрашиваю:

– Почему так больно!? Я купила лидокоин, можно паль-

цы обработать?

– Не поможет. В пальцах много нервов, поэтому они очень чувствительные. Отдохните чуть-чуть! Хотите часть швов снимем сегодня, а остальные завтра?

– Ох, нет! Давайте не будем удовольствие растягивать! Уж лучше один раз отмучиться!

– А Вы молодец! – улыбается доктор.

– Стараюсь!

– Я Вас выписал, а через пару дней привезли учительницу, не знаю, из какой школы и какой предмет, с такой же травмой, как у Вас. Хотя нет, не с такой, легче: у нее ногтевые фаланги пострадали, у Вас серьезнее. Масло замороженное резала. Тоже ее шил. Что с вами, с учителями, не так?!

– Не судите строго! С нами, учителями, все в порядке! Просто конец полугодия, много работы лишней наваливается: бесконечные отчеты! В бумагах тонем! С детьми некогда работать! Вот бдительность и теряем!

– У нас то же самое! Бумаг море! Я выписку составлял за пять лет. Туголуков кто Вам? Что я ему делал? Фамилия для здешних мест редкая!

Действительно, редкая для Сибири. Муж из Ижевска, вот там Туголуковых пруд пруди!

– Если Алексей Сергеевич, то муж. Наверное, Вы ему спицы из пальцев вынимали после травмы. Оперировали его в Москве, а долечиваться сюда отправили.

– Надо будет посмотреть!

Вот удивительно! И я, и муж у одного травматолога лечились! Быть может, подверженность травмам передается воздушно-капельным путем? Или еще каким-нибудь? Ведь мой Алексей столько травм за сорок лет жизни получил, что на нем нет, пожалуй, живого места! Он токарь, просто отличный токарь, очень талантливый (к нему со всей Иркутской области ездят, из Красноярска и даже из Новосибирска детали для автомобилей точить)! А эта профессия одна из самых травмоопасных!

Как потом оказалось, у Ивана Петровича на приеме была однажды и моя мама. У нее болело левое плечо, и терапевт направила ее к Головня, единственному доктору в городе, кто занимается проблемами больных суставов. Приема мама ждала несколько недель! Доктор спросил:

– Что именно у Вас болит: сустав или мышца?

– Не знаю, к Вам пришла это выяснить!

– Давайте снимки, посмотрим!

Лечение, назначенное доктором, маме помогло. Однако идти на контрольный прием она наотрез отказалась:

– К нему ходят одни старушки! Не пойду!

– Ну, почему только старушки? Я еще...

– Да вот ты еще там! Не пойду!

* * *

Пока я лежала в больнице, надо сказать, что это случилось в первый раз в моей жизни, почти каждый день меня навещали дети, мои драгоценные птенчики. Я знаю, что они пе-

реживали, советовались, что привезти мне, даже записывали для меня видеообращения, снимали ролики! Я каждый раз едва сдерживала слезы, видя их доброту, сочувствие, чувствуя их тепло, которое действовало на меня лучше любого лекарства! Истинно: друзья познаются в беде! Когда потом уже по прошествии времени я рассказала об этом коллеге, Валентине Павловне, она мне даже немного позавидовала:

– Сколько раз я лежала в больнице, ни разу ко мне никто не приходил! Ни дети, ни коллеги! Видишь, как они тебя любят!

Вижу... И очень-очень дорожу их искренним отношением! Ребята узнали, вычитали где-то, что мне обязательно нужно кушать что-то, содержащее желатин, чтобы связки и сухожилия легче и быстрее срастались. Так сварили для меня кисель и закупили целый пакет желешек и желейных конфет! Значит, я все делала правильно!

Строго-настрого запретила маме привозить ко мне Олеся. Боялась, что дочка испугается больничной атмосферы, она ведь у меня маленькая принцесса! Мы всей семьей стараемся, как можем, беречь ее от потрясений, ограждаем от неприятностей. Олеся до сих пор искренне верит в Деда Мороза, сказки и чудеса! Фантазерка моя! Помню, как я в прошлом году немного ее разыграла: нарядила в новое бальное платье, красиво причесала и сказала, что скоро придет Глафира, моя бывшая ученица, которая сейчас живет и работает в Москве, но как только приезжает к родителям, обязатель-

но навещает меня. А на самом деле пригласила Деда Мороза и Снегурочку, точнее актеров, их игравших. Видели бы вы дочкины глаза, когда она встречала неожиданных гостей! Олеся ни на секунду не усомнилась в том, что они самые что ни на есть настоящие,

удивлялась, что Дед Мороз в очках и что шуба у него в этот раз синяя, а не красная, как в прошлом году! Но сомнений в их подлинности не было никаких!

А как она ждала зубную фею, когда у нее выпал первый зубик! Рисунок ей нарисовала, конфеты приготовила, ведь сладости все любят, рассудила моя красавица. Зубик до сих пор трепетно в шкатулочке хранит, выбросить боится, чтобы фею не обидеть...

Дочка настолько верит в чудеса, сказки и все лучшее в людях, что даже иногда становится страшно за нее. Однажды в садике Саша, смешной пухленький мальчик, признался мне, что Олеся – самая добрая девочка в группе, и поэтому ему очень нравится, и он, конечно, на ней женится! Видимо, приданое нужно начинать собирать уже сейчас!

В мою дочку, действительно, часто «влюбляются», если так можно выразиться о шестилетних детях, мальчишки из детсадовской группы или кружков, которые она посещает, именно потому что Олеся добра и сострадательна! Очень забавный случай произошел в прошлом году. Ее постоянно задевал мальчик в группе: то толкнет, то кубиком по голове

ударит, то соком обольет. Дочь долго стоически терпела. Но однажды по дороге домой разревелась и все рассказала. Папа посоветовал дать ему в нос, а Олеся не преминула воспользоваться его советом, как только оказалась в группе на следующий день! Мне было очень неловко, да куда уж там, стыдно! Позвонила маме Влада, извинилась. А папа его мне потом сказал:

– Просто Олеся ему нравится! А Владик не знает, как ей это показать!

– Ну, Вы же папа! Вам и карты в руки, объясните сыну! – вот они, некоторые современные мужчины: сами тьюфяки и сыновей ничему научить не могут.

Через какое-то время Олеся призналась:

– Владик так странно себя ведет: конфеты у меня в кабинке оставляет! Я ему конфетки отдала!

– Может, он угостить тебя хотел?

– Ну, и угостил бы! Зачем подкидывать! – такое внимание скорее напугало дочь, чем обрадовало! Такие дела...

Именно тогда Олеся предложила серьезно поговорить и заявила, что собирается выйти замуж за папу:

– Когда я вырасту, папа будет мой муж. Папа самый лучший! А мальчишки какие-то не такие!

– Нет, моя дорогая, папа – мой муж! – возразила я. – Вырастишь, найдешь себе мужа! А папа – мой муж, а тебе все-таки папа!

Дочка расстроилась... Леша долго разговаривал с ней,

спокойно и ласково, как умеет только он, и убедил в конце концов, что мужа придется поискать: нельзя выходить замуж за папу, даже если он лучше всех на свете! Олеся решила замуж пока не выходить, а остаться жить с нами. Фух, успокоила! А то мы переживать уже с отцом начали потихоньку...

А как млеет Сережа от появления дочери на занятиях эстрадного коллектива «Музыкальная мозаика»! Дети дружат уже почти три года! Серега как истинный джентльмен после занятий провожает дочку домой. Однажды даже маме заявил:

– Меня не интересуют твои правила! Холодно?! Одевайся теплее! А Олесю мы все равно провожать пойдем!

Какое сильное мужское начало в характере мальчишки! Волей-неволей мы подружились с Ланой, мамой Сережи. Теперь дружим семьями! Я, честно говоря, рада! У них замечательная семья!

Возможно поэтому, когда мама в этом году сказала, что, наверное, уже не надо приглашать никого на Новый год, ведь Олеся большая и все понимает, да и дороговато, я даже немного разозлилась и расстроилась! Буду изо всех сил поддерживать дочкино мироощущение, создавать сказку в ее жизни! Пусть подольше верит во все самое лучшее!

Подружки же и сеструля приезжали каждый день! Я на первом этаже времени проводила больше, чем в палате! Девчонки отвлекали меня от грустных мыслей и переживаний, как могли! А Киры не было ни разу...

* * *

Через пять дней, когда я уже потихонечку начинала поводить, ведь помыться самостоятельно никак не могла, начала проситься домой, хотя бы на время. Да и дочка уже стала задавать вопросы:

– Где моя мама? Когда мама придет?

Телефонных разговоров со мной и папой ей было мало:

– С бабуней, конечно, хорошо, но я хочу к тебе! Мне без тебя скучно и плохо! Еще и папа на работе!

И, о чудо, меня отпустили домой до понедельника! Я собрала вещи, точнее побросала все как попало в сумки и пакеты, а шмотьем, надо сказать, обросла порядочно, дождалась маму и на такси отправилась домой.

Мне казалось, как только я окажусь дома, буду практически здорова! Как же ошибалась! Даже представить себе не могла, что для меня все только начинается! Десять месяцев бесконечных приемов, врачебных комиссий, множества физиопроцедур, болезненных уколов в швы и суставы на пальцах-страдальцах, еще одна операция, неожиданный интерес посторонних и абсолютное равнодушие тех, от кого ждешь сочувствия. Конечно, то, что произошло со мной, не самое страшное, что может случиться с человеком в жизни. Это всего лишь пальцы... Но это мои пальцы! Других у меня нет. Очень жаль, что не предусмотрены запасные! Нелепая случайность! А сколько боли, страданий, переживаний и обид!

Травма моя, что называется, разделила жизнь на «до и по-

сле». Наглядно показала, «кто мне друг, кто враг, а кто – просто так»! К сожалению, получилось так, что многие люди, которым я очень доверяла и считала настоящими друзьями, самоустранились из моей жизни, исчезли как «тени в полдень». А те, кого я и всерьез-то не воспринимала, считала просто знакомыми, оказались роднее самых близких! Почему так произошло? Не знаю. Видимо, я совсем не умею разбираться в людях! Или просто искренне хочется верить, что любви и доброты в жизни больше, чем зла и равнодушия! А раз хочется – обязательно буду верить!

В этот же вечер ко мне заглянула соседка Марина с булочкой только что испеченного ею хлеба. Она печет очень вкусный бездрожжевой хлеб и нас обязательно угощает!

– Леночка, привет! О Боже! Что это?!

– Проходи, это травма! Я тебе сейчас все расскажу.

– Я только утром от дочки, от Аллочки, из Новосибирска приехала, вместе с ней, кстати! Ничего не знала!

Я начала рассказывать, немного путано, стараясь шутить, чтобы повествование мое не казалось таким уж мрачным. Марина слушала, не перебивая, явно очень сочувствуя мне!

– Надо же, такой человечиче, такой врач живет в нашем подъезде, а мы даже не знаем об этом! Надо будем о нем больше разузнать! Ты покажи мне его!

К этому времени я уже, что называется, «навела справки», и много знала о докторе. Основные сведения сводились к тому, что он не просто доктор, а настоящий целитель, самый

талантливый травматолог в нашем городе. Я даже посмотрела в интернете передачу «Призвание» о нем, снятую местным телевидением.

Выслушав, Марина сделала неожиданный для меня вывод:

– Вот видишь, Леночка, сколько вокруг тебя любви! Сколько людей тебя любят, переживают за тебя, беспокоятся! Стараются сделать так, чтобы тебе было легче!

Очень тронули ее слова! Я, наверное, в первый раз посмотрела на эту ситуацию именно с такой точки зрения! Не «за что и почему?» А «зачем?» Зачем все это нужно пережить? Чему смогу научиться? Какие уроки вынести?

Поняла, какой заботой, вниманием окружили меня люди! Не говорю уже про семью и подруг – про близких. Даже таксист, видя мое положение, помог сегодня сумки до лифта донести! А медсестры в отделении! Сколько добрых слов утешения я от них услышала, сколько помощи приняла! И все же «людей на свете хороших, добрых больше, чем плохих»!

Затем добавила:

– Какая ты молодец! С юмором отнеслась к такой беде! Умница! Не падай духом! Все будет хорошо! По-другому и не может!

А как же иначе? Если без юмора все это переживать, то чокнуться можно!

* * *

Начались мои «лечебные» будни. Я строго следовала всем

рекомендациям доктора, но многое узнавала и сама, например, читая статьи в интернете, просматривая блоги людей с подобными травмами т.д. К примеру, вычитала, что хорошо использовать масла, хвойные и цитрусовые, для размягчения и разработки швов, восстановления подвижности тканей. Поделилась с доктором. Открою маленький секрет, он теперь советует использовать масла и другим своим пациентам, ведь мне они очень помогли! Процесс реабилитации шел медленно и очень болезненно! В нашем маленьком городе нет ни одного реабилитолога, поэтому пациенты с подобными травмами остаются один на один со своими проблемами! Наверное, поэтому доктор постоянно говорил мне:

– Старайтесь, разрабатывайте пальцы! Не ленитесь! Если потребуется еще одна операция, будет только сложнее! Очень хороший эффект дает лепка из пластилина!

Я решила, что лепить из пластилина как-то несолидно, лепила пельмени. Ели их потом всей семьей почти полгода...

Доктор тоже постоянно что-то искал, рекомендовал, приносил на приемы распечатки.

Однажды на приеме он с иронией сказал:

– И чему же Вас могла научить инструктор по ЛФК! Вы столько уже прочитали, узнали о своей травме, что стали просто спецом. И даже я Вам посоветовать ничего не могу! А ведь очень важно, кто занимается пациентом после травмы!

– Мной занимаетесь Вы! И все хорошо!

– Да что хорошего-то: безымянный палец не шевелится и

чувствительность потерял!

– Зато мизинец функционирует, как надо! Все хорошо! Я Вам очень благодарна!

Как оказалось, самый эффективный способ разработать пальцы вовсе не болезненный массаж, электрофорез, стимуляция или ультразвук с карипаином, а повседневная женская домашняя работа: пол помыть, посуду, что-то простирнуть, пыль протереть. Во-первых, никто не сделает этого за тебя, а во-вторых, чем-то же надо себя занимать! Муж даже в разговоре с Олей как-то сказал:

– Думал, она лежит целыми днями, руку кверху, чтоб отека не было, в ностальгии и хандрит. А посмотрел: посуда помыта, пол чистый! Пылка протерта! Красота! Самому делать ничего не надо

Сложнее оказалось с едой. Конечно, я могла приготовить что-то элементарное: сварить макароны или кашу, но не более того! А ведь моя семья привыкла разнообразно питаться! Магазиновая еда быстро надоела. Опять на помощь пришли близкие люди. Мама готовила специально для нас самые вкусные вкусности! Не раз Оля звонила:

– Ты дома? Сейчас заеду!

Уже через десять минут у меня по квартире разносились чудесные ароматы борща или винегрета, или еще чего-нибудь вкусенького! Таня нас тоже подкармливала: котлетки на пару, картошечка (ведь сама я овощи почистить не могла)! Лана однажды на занятие дочери по вокалу принесла це-

лый пакет моих любимых домашних вареников с творогом и, почему-то очень смущаясь, вручила мне. Даже новогодний стол готовили практически без моего участия: Алексей и мама все сделали сами!

А еще Лана сшила для меня из меха теплую и очень удобную муфточку, ведь рука в лангете не помещалась ни в одну варежку! А морозы в Сибири – будь здоров! Лана – отличная портниха! Сама не знаю, зачем, муфточку бережно храню...

Доктор настаивал на консультации другого специалиста, хотя я доверяла ему безгранично. Знаете, именно он впервые в жизни заставил меня задуматься о такой важной вещи, как предназначение. Ведь Иван Петрович может «починить» любого человека, если с ним что-то случилось, если тот, например, сломался, порвался или порезался, как я. И человек этот будет функционировать, как раньше. Доктор сумеет, он сможет! А если что-то пошло не так, то исправит! А что умею я на его фоне?! Грамотно, без ошибок писать... И все! Заставляет задуматься, неправда ли?! А ведь мне всегда казалось, что я очень значима и важна для общества, ведь я же – учитель! Теперь даже смешно... Но мне горько! Ведь как-то я резко померкла в собственных глазах...

По настоянию доктора я прошла онлайн-консультацию с одним из лучших микрохирургов по восстановлению кисти в нашей стране из Новосибирска, который подтвердил верный ход лечения и сказал, что со мной работает очень талантливый травматолог. А затем еще и поехала в Иркутск к одному

из ведущих специалистов по тем же проблемам в Иркутской области.

– Здравствуйте, проходите. Показывайте, что у Вас?

– Здравствуйте!

– Что у Вас? Рассказывайте! Что привезли? Какие документы есть с собой: выписка, направление? Что? – нервно спрашивает он, не отрываясь от заполнения каких-то бумаг.

– Иван Петрович сказал, что ничего не нужно, взять достаточно только пальцы... – потягиваю ему правую руку.

– Ооооо! Так вот Вы какая! Это я уже видел: Иван Петрович фотографии присылал!

Он меня внимательно выслушал, пальцы осмотрел и сказал, что в общем-то все неплохо, безымянный палец не шевелится и ничего не чувствует – не беда, бывает и хуже... Меня поразила такая позиция врача! Зачем же я сюда приехала?! Чтобы мне сказали, что бывает и хуже?! В общем, никаких советов или рекомендаций я от него не получила. Зато врач предложил:

– Грудь не хотите увеличить? – ведь он еще и пластический хирург.

– Нет, спасибо! Свою девать некуда!..

Там, в Иркутске, со мной произошел забавный случай, который в очередной раз подтвердил мою веру в людей. Я обедала в кафе. Рядом сидел молодой человек. Он очень долго и внимательно разглядывал мои оперированные пальцы и затем выдал:

– Что это с Вами случилось? Что с рукой?

– Рыбу чистила, порезалась.

– Это Вы прям вот так сидели и себя вырезали?! Долго?!

– А что завидно? Я так могу, а Вы нет?! – пошутила я (надо сказать, шутки мне не очень удаются в последнее время). – Нет, у меня рука по ножу соскользнула, обыкновенные порезы были, только глубокие очень. А швы – это уже операция.

– Ааааа, понятно! – хотя я чувствовала, что ему совсем не понятно. – Просто порезались?! И такие шрамы?! Простая случайность, а такая беда! Выздоровливайте! – он искренне посочувствовал мне и помог пустую посуду со стола убрать.

– Спасибо! – я в очередной раз столкнулась с проявлением доброты и сочувствия от совершенно постороннего человека.

А однажды в аптеке случайный покупатель подарил мне бинт. Доктор велел приобрести специальные бинты, которые при формировании повязки приклеиваются друг к другу, называются «Peha – haft», немецкого производства, чтобы мне было легче делать перевязки. Бинты достаточно дорогие! Мужчина случайно услышал цену, расстрогался и ... купил мне такой! Догнал меня уже на выходе из аптеки и торжественно вручил, попахивая перегаром. Это многое объяснило! Я потом даже немного расстроилась и позвонила Танюше:

– Я что, так плохо выгляжу, что подарить мне можно толь-

ко бинт?!

– Лена, не лукавь! Ты прекрасно выглядишь и это знаешь! Просто посочувствовал тебе человек! Да и в аптеке, что он мог тебе еще купить?!

Мне еще много всего предстояло пройти и пережить. неприятные разговоры с завучем и директором школы с намеками на мою недееспособность по профессии (как будто мне не три пальца прооперировали, а лоботомию сделали, вдруг я писать и тетради проверять не смогу!) и возможное по этой причине расторжение трудового договора; множество болезненных медицинских процедур; повторная успешная операция, после которой (о, чудо!) безымянный палец начал двигаться и чувствовать; уход из школы по собственному жгучему желанию; поиск работы; ... Но это уже отдельная история. Возможно, и ее я когда-нибудь расскажу...

Чему я научилась? Что поняла в итоге? Наверное, что в мире очень много любви, доброты и сострадания. Что никогда не надо отчаиваться, и это не просто слова! Что людей, готовых прийти на помощь, очень много и далеко не всегда это родные и близкие! Что надо верить своим докторам и всегда надеяться на лучшее! И что во всем виновата рыба!